

что предлагаемый им подход показывает достаточно чёткую корреляцию предложенного коэффициента между крупными произведениями и рассказами. О порядке формализации каждого из показателей в рамках многоступенчатой модели автор надеется доложить на следующих Лемовских чтениях, получив большую экспериментальную базу данных.

Список литературы

1. Лем Станислав. Возвращение со звёзд. Собрание сочинений. М.: ТЕКСТ. 1992. Том 2. 399 с.
2. Лем Станислав. Рассказы о пилоте Пирксе. Собрание сочинений. М.: ТЕКСТ. 1992. Том 4. 400 с. С. 6 – 374.
3. Язневич В.И. Станислав Лем. Минск. Книжный дом. 2014. 448 с.
4. Уэллс Герберт. Люди как боги. Собрание сочинений. М.: Издательство «Правда» 1964. Том 5. 479 с.
5. Уэллс Герберт. В дни кометы. // Уэлс Г. Собрание сочинений. М.: Издательство «Правда» 1964. Том 7. 576 с.
6. Толстой А.Н. Гиперболоид инженера Гарина. М.: ГОСЛИТИЗДАТ, 1955. 276 с.
7. Шекли Роберт. Билет на планету Транай. / Роберт Шекли. Библиотека современной фантастики. М.: Изд. ЦК ВЛКСМ Молодая Гвардия. 1968. 399 с.
8. Гансовский С.Ф. Полигон. Сб. Стальная змея. М: Знание 1991. 302 с.
9. Уэллс Герберт. Война в воздухе. Собрание сочинений. М.: Издательство «Правда» 1964. Том 7. 495 с.
10. Колпаков А.Л. Гриада. М.: Изд. ЦК ВЛКСМ Молодая Гвардия. 1960. 317 с.
11. Лукашевич В.К. Креативное взаимодействие предметного, нормативного и рефлексивного знания в научном поиске. Минск: Беларуская наука, 2019. 299 с.
12. Нестеров А.Ю. Человек и техника в постсингулярном мире. // Третьи Лемовские чтения. Самара. Изд. Самарского университета, 2016. 550 с.

ПОГРАНИЧНЫЕ ФЕНОМЕНЫ КУЛЬТУРЫ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ КИРА БУЛЫЧЕВА¹

Фаритов В.Т.

Ульяновский государственный технический университет,
кафедра философии, профессор

Статья посвящена исследованию пограничных состояний культуры и человеческого существования на материале анализа романа Кира Булычева «Поселок». Экспликация философских мотивов романа осуществляется на основе концептуальных разработок О. Шпенглера. Автор выделяет четыре варианта моделирования возможного будущего в философской футурологии и фантастической литературе. В статье анализируется регрессивный вариант будущего культуры.

Ключевые слова: пограничные феномены, трансгуманизм, постгуманизм, культура, футурология, Булычев.

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 19-011-00910 «Маргинальные феномены человеческого бытия (Антропология ad Marginem)»

BORDERLINE PHENOMENA OF CULTURE AND HUMAN BEING IN THE WORKS OF KIR BULYCHEV

Faritov V.T.

Ulyanovsk State Technical University,
Department of Philosophy, Professor

The article is devoted to the study of the borderline states of culture and human existence based on the analysis of the novel «Village» by Kir Bulychev. The explication of the philosophical motives of the novel is based on the conceptual development of O. Spengler. The author identifies four options for modeling a possible future in philosophical futurology and science fiction. The article analyzes the regressive version of the future culture.

Key words: borderline phenomena, transhumanism, posthumanism, culture, futurology, Bulychev.

Смысл фантастики мы усматриваем в раскрытии возможностей человеческого бытия, которые не могут быть актуализированы в наличных условиях существования. В этом ключе фантастика обнаруживает определенное сходство с философией, которая также актуализирует в сфере мысли различные, в том числе пограничные, возможности бытия человека.

Можно выделить четыре варианта моделирования возможного будущего человечества в области фантастической литературы и философской футурологии. Указанные варианты могут также пересекаться и взаимодействовать друг с другом, образуя смешанные и переходные типы.

1) Технократический утопизм. Данный вариант восходит к просвещенческой идее прогресса. Развитие науки и техники приводит к светлому будущему, в котором физический труд заменен робототехникой, побеждены все болезни, полностью устранены голод и нужда, искоренены преступность и социальная несправедливость. Человечество вступило в новую эру межгалактических коммуникаций, установило сотрудничество с цивилизациями отдаленных галактик.

2) Трансгуманизм. Идеи трансгуманизма могут быть представлены в качестве особого варианта технократического утопизма. Принципиальная разница состоит в том, что в последнем человек при всех колоссальных масштабах технического прогресса сохраняет свои основные антропологические характеристики. Человек остается константой, но помещается в новые условия существования. Напротив, в трансгуманизме существенным трансформациям подвергается сам человек, раздвигаются и преобразуются границы его физиологии и когнитивной сферы: «В трансгуманизме акцент переносится с изменения и “покорения” “внешней” природы на трансформацию природы самого человека» [5, с. 7].

3) Постгуманизм. В данном варианте прогнозируется полное исчезновение человека и замена его другими биологическими или техническими формами существования. Человечество со всей его культурой и историей рассматривается в качестве почвы или удобрения для существ совершенно иного вида. Само человечество – временный феномен, обреченный исчезнуть [7]. Постгуманизм представляет собой радикализованный, доведенный до крайних пределов трансгуманизм.

4) Регрессизм. В данном варианте идея прогресса заменяется идеей тотальной деградации, а будущее представляет собой возвращение к отдаленному прошлому, к пройденным ступеням культуры. С уровня высокоразвитой цивилизации человечество отбрасывается к первобытному или феодальному строю. И начинает все сначала. В целом это пессимистическая, антипрогрессистская и антиутопическая модель будущего, не разделяющая оптимизм первого варианта. Со вторым и третьим вариантом данную модель

объединяет то обстоятельство, что человек также подводится здесь к предельным границам своего существования в качестве человека.

Можно было бы выделить и пятый вариант, предполагающий стагнацию, консервацию достигнутого уровня, не допускающую ни дальнейшего развития, ни регресса. Однако данный вариант по своему содержанию не может представлять особого интереса для футурологии и фантастики.

Мы сосредоточим внимание на четвертом варианте. В сфере философии идея культурного регресса разрабатывалась представителями циклической модели исторического процесса, а также сторонниками идеи Нового Средневековья [1; 10]. В фантастической литературе тотальный регресс в качестве модели возможного будущего представлен, в частности, в творчестве Кира Булычева. Следует отметить, что для данного автора вариант регрессизма в целом не характерен. Пессимистический взгляд на будущее человеческой цивилизации Булычеву не свойственен, он выступает в качестве сторонника технократического утопизма. Модель регресса и деградации писатель апробирует только в качестве крайней возможности, причем полная реализация этой возможности пресекается восстановлением высокого уровня цивилизационного развития. Тем самым у Булычева достигается некоторая дистанцированность от предмета, позволяющая взглянуть на идею регресса как бы со стороны, в перспективе иного варианта будущего человечества.

Пессимистический вариант будущего цивилизации разрабатывается Булычевым в повести «Город без памяти» (1988-1989, цикл «Приключения Алисы») [2] и в романе «Поселок» (1988, первая часть «Перевал» была написана еще в 1980 году). В «Городе без памяти» герои возвращают домой космическую экспедицию, потерявшую на Земле связь со своей планетой. На момент отправки экспедиции планета была на высочайшем уровне цивилизации. Однако по возвращении герои обнаруживают культуру, соответствующую средневековому периоду развития человечества. Причиной такого колоссального регресса стала тотальная потеря памяти среди населения планеты [8].

В «Поселке» ситуация несколько иная, однако и здесь тема культурной памяти является доминирующей. Исследовательский космический корабль терпит крушение на неизвестной планете. Уцелевшие люди спускаются в лес и разбивают поселок, представляющий, по-видимому, единственный участок культуры на этой планете. Регресс оказывается неизбежен: прибыв из цивилизации, способной совершать галактические экспедиции, люди вынуждены поддерживать свое существование в условиях практически первобытной культуры. Будучи поставлены на грань выживания в агрессивной природной среде, герои сталкиваются с проблемой сохранения культурной памяти и недопущения полной деградации. Задача кажется почти невыполнимой: «– Варианты различны, но человек неизбежно деградирует... степень деградации...

Старик взглянул на Олега, тот кивнул. Он знал это слово.

– Степень деградации зависит от уровня, которого человек достиг к моменту изоляции, и от его характера. Но мы не можем ставить исторический эксперимент на одной сложившейся особи. Мы говорим о социуме. Может ли группа людей в условиях изоляции удержаться на уровне культуры, в какой находилась в момент отчуждения?

– Может, – ответил Олег. – Это мы.

– Не может, – возразил старик. – Но для младенца достаточно пяти лет, для группы, даже если она не вымрет, потребуется два-три поколения. Для племени – несколько поколений... Для народа, может быть, века. Но процесс необратим. Он проверен историей. Возьмем австралийских аборигенов...» [3, с. 25].

Поселок представлен именно небольшой группой людей, и новое поколение (тех, кто на момент крушения находился в младенческом возрасте, и тех, кто родился уже в поселке) обнаруживает тенденцию к полной утрате культурного наследия своих отцов: «Нам грозит забывание. Уже сейчас носителей хотя бы крох человеческой мудрости, знаний становится все меньше. Одни гибнут, умирают, другие слишком поглощены борьбой за выживание... И вот появляется новое поколение, вы с Марьяной еще

переходный этап. Вы как бы звено, соединяющее нас с нашим будущим. Каким оно будет, ты представляешь себе?

– Мы не боимся леса. Мы знаем грибы и деревья, мы можем охотиться в степи...

– Я боюсь будущего, в котором господствует новый тип человека – Дик-охотник. Он для меня символ отступления, символ поражения человека в борьбе с природой» [3, с. 28].

Так выглядит проблема с точки зрения Старого (самого старшего обитателя поселка). Вживание в природу ставит человека на границу человеческого бытия как такового, на границу, за которой начинается утрата человеческого облика и переход в животное состояние. Пределом регресса является возобновление в будущем дочеловеческого прошлого. Об этом незадолго до гибели размышляет Томас (еще один представитель старшего поколения): «это крайняя степень невезения, словно рок, притаившийся в скалах, не хочет отпускать нас к человечеству, словно лес хочет превратить нас в своих детей, в шакалов на двух ногах, он согласен терпеть наш поселок, но только как свое собственное продолжение, а не как отрицание» [3, с. 73]. Сохранение культурной памяти является основным мотивом организации экспедиции к перевалу, к погибшему в горах космическому кораблю: «Нам нужна помощь. Помощь остального человечества. И потому я настаиваю, чтобы твой сын шел за перевал. Мы еще помним. И наш долг – не обрывать нить» [3, с. 27].

Однако в «Поселке» существует и другая перспектива, которую старшие могут лишь отчасти понимать: «Томас поглядел на ребят. Почему они не чувствуют, что на камнях спать жестко и холодно? Это естественные дикари, глядящие на него, старика, с вежливым снисхождением аборигенов. Как бы ни пугал их Борис, они с каждым годом все лучше вживаются в этот мир мокрого леса и серых облаков. А Борис прав и не прав. Он прав, что переход в дикость неизбежен. Томас видит его и в собственной дочери, и в других малышах. Но, очевидно, это и есть единственный выход, единственная возможность спастись. А перевал – тот символ, в который уже никто не верит, но от которого трудно отказаться» [3, с. 44]. Эта точка зрения преобладает в сознании молодого поколения, которое никогда не видело (или не помнит) перевала и корабля и для которых существование этих объектов известно только из рассказов старших.

Так в романе задаются два уровня смыслового наполнения художественных образов. Первый – культурно-исторический или аллегорический, на котором поселок, перевал и находящийся там корабль получают статус обладающих действительным существованием объектов: культурного и природного топоса и артефакта. Этот уровень отсылает читателя к проблематике «Робинзона Крузо» и его всевозможных вариаций. В частности, уместно будет провести параллель с романом У. Голдинга «Повелитель мух» (1954), повествующим об оказавшейся на необитаемом острове группе детей. В группе происходит разделение на два лагеря: одни стремятся сохранить цивилизованный образ жизни и ищут пути к освобождению, другие принимают дикарский образ жизни. Дикари достаточно быстро одерживают верх над сторонниками культуры, дети начинают убивать себе подобных и вести охоту друг на друга. Роман показывает, насколько непрочно укоренены в человеческом сознании результаты воздействия цивилизации и как быстро человек способен утратить культурную память. В отличие от молодого поколения «Поселка», дети из «Повелителя мух» успели получить начальное воспитание и образование в цивилизованном мире. Устранение контроля со стороны взрослых оказалось недостаточным, чтобы культурная память в весьма короткий промежуток времени утратила всякую значимость. У Булычева молодежь изначально воспитывалась за пределами цивилизованного мира, но с ними находятся старшие, которые еще образуют некий барьер на пути к полному одичанию.

Согласно О. Шпенглеру, потеря культурной памяти, прогрессирующая культурно-историческая амнезия является неизбежным и закономерным финальным этапом в жизни любой культуры [10]. Пранароды, варвары, становясь носителями высокой идеи, образуют

культурный народ, нацию. Исчерпанность культуросозидающего потенциала приводит к угасанию национального духа, на смену нациям приходят посткультурные народы, «феллахи». Это наследники умирающей культуры, которые сами уже не способны к созданию, не способны к глубокой и полной смысла культурной жизни. Памятники былого величия становятся им все более чуждыми и непонятными, и в конце концов наступает полное забвение. Н.Я. Данилевский определял такую ситуацию как переход в состояние этнографического материала [4]. Нечто подобное, только в обрамлении фантастического сюжета, представлено в «Поселке» К. Булычева. Молодое поколение, вырастающее на удаленной от цивилизации планете, неизбежно превращается в «феллахов» – вопреки стараниям старшим передать им культурное наследие. Для молодежи умение стрелять из арбалета оказывается более значимым и актуальным, нежели книжная культура. В поселке нет не только книг, но даже бумаги. Творческие наклонности начинают выражаться во все более примитивных формах, соответствующих «заре цивилизации»: «– Дик уже ощущает себя аборигеном этих мест. Он бросил ходить ко мне пять лет назад. Я не уверен, помнит ли он азбуку.

– Зачем? – спросила мать. – Книг все равно нету. И письма писать некуда. И некому.

– Дик много песен знает, – вступил Олег. – И сам сочиняет. – Олегу стало немного стыдно, что ему приятно ощущать недоброжелательство старика к Дику, и потому он решил Дика защитить.

– Не в песнях дело. Песня – зря цивилизации. А для малышей Дик – кумир. Дик – охотник! А для вас, бабы, он пример. «Посмотри на Дика. Вот хороший мальчик!» А для девочек он рыцарь. Ты не обращала внимания, какими глазами на него глядит Марьяшка?» [3, с. 28].

Таков культурно-исторический пласт романа. Поселок – это аллегория гибнущей цивилизации и «посткультурного» будущего грядущих поколений «феллахов». «Робинзон Крузо» воспроизводил культурный путь человечества по восходящей линии. В «Поселке» показан путь деградации. Дефо подвергается скептическому переосмыслению: «Попался бы мне Даниель Дефо. Жалкий враль» [3, с. 17].

Второй смысловой пласт романа – символический. Если для старшего поколения перевал – действительный факт, то для молодых – это предание. Для Олега, Дика, Марьяны и Казика космический корабль не обладает реальностью чувственно-воспринимаемого объекта, у них нет эмпирического представления о предметах такого рода. В их сознании – это некий трансцендентный объект, выходящий за пределы всякого возможного опыта: «Подобного противоречия старшие не понимали – ведь для них за повестью о том, как грянула катастрофа, как пришел холод и тьма, за рассказом о пустых коридорах, в которых постепенно гаснет свет и куда прорываются снаружи сухие снежинки, – за всем этим скрывались зримые образы коридоров и ламп, молчание вспомогательных двигателей и щелканье счетчиков радиации. Для слушателей – Олега и его сверстников – в рассказе понятны были лишь снежинки, а коридоры ассоциировались с чащей леса или темной пещерой – ведь воображение питается лишь тем, что видно и слышано» [3, с. 83]. Здесь мы уже выходим за пределы тематического круга робинзонады и оказываемся в области мифов и легенд, в сфере сакрального. Перевал становится сакральным символом, границей, отделяющей имманентный, земной мир от трансцендентного, божественного. Путь к перевалу – это путь богоискательства, это поиск чаши Святого Грааля. Даже когда корабль был найден, когда из трансцендентного объекта он стал предметом чувственного восприятия, эта символическая составляющая образа сохраняет доминирующее значение в сознании молодого поколения: «Дик, Олег и Марьяна спускались в котловину, к кораблю, он рос, был материален и громаден, но оставался легендой, чашей Грааля, и никто из них не удивился бы, если бы при прикосновении он рассыпался в прах. Они возвращались к дому своих отцов, который пугал тем, что перешел в эту холодную котловину из снов и легенд, рассказанных при

тусклом светильнике в хижине, когда за щелью окна, затянутого рыбьей кожей, рычит снежная метель» [3, с. 83].

Корабль – это врата в другой мир, мир неизвестный и недоступный и одновременно родной, являющийся утраченным домом, страной прародителей, потерянным раем: «Сергеев не понимал, что для Олега проблемы земные не подкреплялись пока зрительными образами, предыдущим опытом – Земля оставалась пока краем обетованным» [3, с. 268]. На пути к этому метафизическому центру герои переживают настоящую драму богоискательства, трагедию неверия и богооставленности: «Наступило отчаяние, потому что перевал был абстракцией, в которую невозможно поверить, как невозможно представить себе звездное небо, если его не видел и знаешь лишь по рассказам» [3, с. 79]. Здесь уже более уместно провести параллель не с «Робинзоном Крузо», а с «Замком» Ф. Кафки, повествующем о доходящих до отчаяния и иступления метафизических поисках, которые приводят к полному краху самого здания метафизики. Герои не находят того, чего искали, не потому, что доступ к трансцендентной истине для них закрыт, но потому, что такой истины нет. Трансцендентность оказывается формой, скрывающей отсутствие. И герой всеми силами пытается пробиться к тому, чего нет [9, с. 104].

Для Олега встреча с кораблем приобрела еще и дополнительный смысл встречи с самим собой. Здесь актуализируются мифические и фольклорные мотивы: «Сам этот сюжет похода оформлен как испытание веры в заветы отцов (в содержание обучения, которое ведёт Старый в школе) через самопожертвование старшего поколения (смерть Томаса), проход через изменённые состояния сознания, через потерю себя (укус Олега снежной блохой: «...Страшно потерять себя... Вот сейчас это я, а скоро меня не будет») и завершается победой веры и духа» [6, с. 94]. Этот момент заставляет нас также вспомнить юнгианскую теорию коллективного бессознательного, где Грааль соответствует архетипу Самости. Физическая реальность корабля, ставшая доступной после длительного и опасного пути, ценой риска и жертв, не устраняет психического (архетипического) содержания, наполняющего этот образ.

К.Г. Юнг посвятил НЛО специальное исследование, в котором данный феномен трактуется как проявление содержания бессознательного: «Из примеров сновидений и из различных рисунков следует, что для проявления своего содержания бессознательное пользуется фантастическими элементами, сопоставимыми с феноменами НЛО» [11, с. 142]. Причем Юнг указывает на сакральный смысл этого содержания: «После тщательного исследования сновидения, как и картины, обнаруживают смысл, который вполне можно характеризовать как *Богоявление*» [11, с. 142]. Одновременно допускается возможность сочетания психических проекций с реальным существованием НЛО: «Теперь я должен к этому прибавить, что даже если НЛО физически реальны, то из-за этого соответствующие психические проекции являются, собственно говоря, не причиной, а поводом. Мифические утверждения подобного рода, и вместе с НЛО, и без них, существовали всегда. Психическая ситуация человечества, с одной стороны, и феномен НЛО в качестве физической реальности, с другой, не находятся в явной каузальной связи друг с другом, а, видимо, совпадают в результате осмысления. Их смысловая связь складывается, во-первых, благодаря проекции и, во-вторых, благодаря согласующемуся с проецируемым смыслом круглых и цилиндрических форм, с незапамятных времен изображающих единство противоположностей». [11, с. 152, 157]. Подобный синхронистический феномен, предполагающий совпадение двух явлений физической и психической реальности, описывается и в «Поселке» в сцене обнаружения героями космического корабля. Символический пласт обладал слишком большой значимостью, чтобы физическая реальность объекта могла сразу привести к его разрушению.

Разрушение символического уровня будет осуществлено во второй части романа – «За перевалом». Космический корабль утверждается в сознании героев в качестве реального физического объекта, цель перестает быть эфемерной, а поход к кораблю уже

не напоминает кафкианский роман: «Олег с Сергеевым шли налегке, шли быстро и, главное, шли иначе. Изменилось их отношение к дороге. В прошлом году это было путешествие почти невероятное, на которое можно было решиться лишь от отчаяния. Смерть Томаса была естественной платой за достижение несбыточной цели, и сам «Полюс» казался таинственным, далеким воспоминанием, реальность которого была сомнительна. Сейчас они шли по трудной дороге к определенной цели с конкретными намерениями» [3, с. 265-266]. Обитатели поселка совместными усилиями строят воздушный шар, Олег изучает радиотехнику, чтобы починить связь на корабле. Противостоящий природе мир культуры, мир науки и техники становится действительностью, метафизические и сакральные мотивы рассеиваются. Олег одерживает верх над Диком, инженер побеждает охотника, перспектива деградации утрачивает свою пугающую реальность.

В уме Олега формируется и утверждается новая идея, выражающая уверенность в прогрессе человеческого разума и цивилизации. Это идея русского космизма: «Ведь может так быть, что за двадцать лет в Галактике уже столько всего изменилось, что люди перестали умирать. Если у людей много места, чтобы жить, – ведь столько свободных планет, – то всем хватит места. Природа, а это он учил еще на уроках Старого, рассчитала жизнь человека как защиту от гибели вида. В каждом биологическом виде действует один и тот же закон – продолжительность жизни одного существа должна быть такой, чтобы он успел дать потомство и по возможности помочь ему выжить. Рыбы, которые мечут икру, могут погибнуть сразу, потому что икринок очень много. Уже млекопитающим важно выкормить детенышей и, может, даже несколько приплодов выкормить, чтобы вид увеличивался. И люди когда-то жили лет по двадцать, по тридцать. А потом они начали обманывать природу, вот тогда человек и стал цивилизованным. Потом человек избавился от многих болезней и теперь живет до ста лет. Виду не нужно, чтобы человек жил до ста лет, а он живет. Значит, в этом есть какой-то смысл? Старый, когда Олег начал ему как-то развивать эту самую идею, сказал, что Олег – стихийный детерминист. Олег не стал спорить. Он уже твердо решил, что прав. Прав в том, что человек живет сто лет не случайно – так надо Природе. Она хочет заселить человеком Галактику, все те планеты, где нет своей собственной разумной жизни. А для этого нужно много миллиардов людей. И старые люди нужны, потому что они владеют опытом и мудростью. И они нужны на новых планетах, может, больше, чем на Земле. Без Старого и Томаса деревня давно бы умерла или стала дикой. Может быть, люди откроют вечную молодость. И бессмертие. Но это будет означать, что им предстоит совершить еще один прыжок – в другие галактики» [3, с. 179-180].

Именно эта идея определяет завершение романа. Прибывшая на планету исследовательская экспедиция спасает жителей поселка. Культурная деградация предотвращена, научно-технический прогресс торжествует. Аналогичный финал и в «Городе без памяти»: ученые находят способ излечения планеты от всеобщей амнезии, и все снова возвращается на свои места. Разум побеждает не только смерть отдельных индивидов, но и преодолевает перспективу культурного регресса. Технократический утопизм одерживает полную победу.

Вместе с тем, обращение к модели регресса позволило Булычеву раскрыть некоторые пограничные феномены человеческого бытия и культуры. И в «Городе без памяти», и в «Поселке» автор не доводит этот вариант до завершения, останавливается на границе, за которой человеческая культура переживает полное крушение. Трансгуманизм и особенно постгуманизм моделируют возможное бытие за границами человеческой реальности. Перспектива регресса подводит человека к границам культурного существования с противоположной стороны: она высвечивает горизонты не пост-, но докультурного и дочеловеческого бытия. Тем самым раскрывается и утверждается значимость самих границ для культуры и человеческого бытия.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Смысл истории. Новое средневековье. М.: Канон+, 2002. 448 с.
2. Булычев К. Приключения Алисы. В 6-ти книгах. Книга шестая. Конец Атлантиды. М.: Культура, 1992. 352 с.
3. Булычев К. Посёлок. М.: Издательский дом Мещерякова, 2017. 336 с.
4. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М.: Академический проект, 2015. 602 с.
5. Дёмин И.В. Русский космизм в перспективе трансгуманизма. Самара: Издательство «Глагол», 2014. 208 с.
6. Нестеров А.Ю. Фиаско за перевалом // Четвертые Лемовские чтения: сб. материалов Всероссийской научной конференции с международным участием памяти Станислава Лема / отв. ред. А.Ю. Нестеров. Самара: Самар. гуманит. акад., 2018. С. 91-99.
7. Павленко А.Н. Возможность техники. СПб.: Алетейя, 2010. 224 с.
8. Фаритов В.Т., Балаклеец Н.А. Идея Нового Средневековья в повести Кира Булычева «Город без памяти» // Четвертые Лемовские чтения: сб. материалов Всероссийской научной конференции с международным участием памяти Станислава Лема / отв. ред. А.Ю. Нестеров. Самара: Самар. гуманит. акад., 2018. С. 297-219.
9. Фаритов В.Т. Трансгрессия и дискурс. Введение в философию бытийно-смыслового перспективизма. Ульяновск: УлГТУ, 2012. 199 с.
10. Шпенглер О. Закат Европы. Минск: Харвест, М.: АСТ, 2000. 1376 с.
11. Юнг К.Г. Один современный миф. О вещах, наблюдаемых в небе. М.: Наука, 1993. 192 с.

ФАНТАСТИКА КАК НАУКА И НАУКА КАК ФАНТАСТИКА

Чекалов Л.Л.

ООО «Транс-Мобил Спедишн», Самара, директор

Наше понимание Реальности всегда было ограничено особенностями функционирования Сознания, эволюционно сформированного в этой Реальности. И Наука, и Фантастика – это некоторые знаковые семиотические системы, в рамках которых ведется описание Реальности. Сделанные описания могут соответствовать Реальности, а могут и не совпадать с ней. Можно представить образ Абсолютной Науки как полного описания всей Реальности во всех диапазонах взаимодействия Субстанции (Материи, Энергии, Информации) с момента Большого Взрыва до наших дней. При наличии такого описания возможен прогноз ближайшего и даже далекого будущего без всякой Фантастики и Научных Гипотез. Но в данный момент мы вынуждены фантазировать – как на тему Будущего, так и о Прошлых временах. Наши Фантазии и Гипотезы в Будущем, если совпадают с Реальностью, переходят в Научную Фантастику и в Науку, а если не совпадают и остаются игрой ума, то отправляются на кладбище мертвых текстов – Фэнтези. И Наука, и Фантастика обладают Силой воздействия на Сознания людей, и каждое Слово Фантаста и Ученого является вешкой на пути человека в Будущее, направляя его либо в Реальность, либо в Иллюзии.

Ключевые слова: Фантастика, Наука, Сознание, Фэнтези.